

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

**КУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ
И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ
ПРАКТИКА В ОБЛАСТИ
ПРАВ ЧЕЛОВЕКА
В КАВКАЗСКОМ РЕГИОНЕ**

Препринт WP18/2011/02
Серия WP18

Права человека в современном мире

Москва
2011

УДК 342.7(479)
ББК 67.400.7(531)
К90

Редактор серии WP18
«Права человека в современном мире»
А.Л. Рябинин

К90 **Культурные аспекты и правоприменительная практика в области прав человека в Кавказском регионе** : препринт WP18/2011/02 [Текст] ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2011. — 32 с. — 150 экз.

В работе рассматриваются культурные аспекты и правоприменительная практика в области прав человека в Кавказском регионе. Обсуждаются различные интерпретации концепции прав человека в регионе, связь проблематики прав человека с социокультурными особенностями региона. Особое внимание уделяется развитию института Уполномоченного по правам человека (омбудсмена) и других институтов государственной правозащиты в республиках Северного Кавказа и в странах Закавказья. Показана специфика отношений «человек — власть» в регионе. Социокультурные аспекты в области прав человека на Кавказе освещаются в контексте проблемы борьбы с терроризмом, а правоприменительная практика — в условиях сочетания четырех правовых систем: адата (обычаев), шариата, светского права и международного права.

УДК 342.7(479)
ББК 67.400.7(531)

Препринты Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» размещаются по адресу: <http://www.hse.ru/org/hse/wp>

© Оформление. Издательский дом
Высшей школы экономики», 2011

Глава 1. Развитие государственных правозащитных институтов на Кавказе

А. Сунгуров

Тему истории развития на Кавказе института омбудсмена, известного в России как Уполномоченный по правам человека, в Грузии – как Народный защитник, и т.д., нам представляется важным начать хотя бы с краткого упоминания о роли небольшой неправительственной организации – Санкт-Петербургского гуманитарно-политологического центра «Стратегия» – в развитии этого института в регионах РФ и не только. Впервые вопрос создания института государственной правозащиты был поднят на семинаре в Цейском ущелье в Республике Северная Осетия – Алания, проведенном в сентябре 1998 г. центром «Стратегия» совместно с Департаментом прав человека Совета Европы. В это время на юге России, включая Северный Кавказ, не было ни одного Уполномоченного по правам человека, не было их и в республиках Южного Кавказа. В последний день семинара его участники разрабатывали планы создания института государственной правозащиты в своих республиках, краях и областях. Один из них, краснодарский правозащитник В. Козлов, много сделавший для реализации этих планов, сегодня является заместителем Уполномоченного по правам человека в Краснодарском крае¹.

Спустя два с половиной года, в апреле 2001 г., в Сочи состоялся международный семинар, посвященный сравнению развития государственных и общественных институтов по защите прав человека по обе стороны Кавказского хребта. Этот семинар также был организован

¹ Козлов В., Ишевский П. Учреждение института Уполномоченного по правам человека – начало нового этапа в правозащитном движении на Кубани // На пути к региональному Уполномоченному по правам человека / под ред. А.Ю. Сунгурова. СПб.: Норма, 2000. С. 66–77; Козлов В. Уполномоченный по правам человека в Краснодарском крае: путь длиною в полтора года // Комиссии и Уполномоченные по правам человека: опыт российских регионов / под ред. А.Ю. Сунгурова. СПб.: Норма, 2002. С. 152–156; Козицкий А.Г., Козлов В.Н. Библиотека Уполномоченного по правам человека в Краснодарском крае. Серия «Концепция развития» / Институт Уполномоченного по правам человека на Кубани: эволюция развития. Краснодар, 2007.

центром «Стратегия» совместно с программой «Восток – Восток» Фонда Сороса. По итогам семинара был издан сборник статей².

Факт учреждения института государственного правозащитника свидетельствует о том, что государство (либо субъекты Федерации), с одной стороны, хочет двигаться в направлении развития института прав человека, а с другой – соответствовать международным стандартам. За этим, конечно, кроется не только желание соблюдать стандарты прав человека, но и стремление (для государств) получить членство в Совете Европы.

Первым среди стран Южного Кавказа этот институт появился в Грузии. В 1999 г. парламент страны избрал первого Народного защитника – бывшего начальника налоговой службы, генерала милиции и советника Э. Шеварднадзе Д. Саларидзе. Он, однако, ничего значительного не сделал. Проработав на посту Народного защитника менее года и поняв, по-видимому, что попал не на свое место, Д. Саларидзе подал в отставку и продолжил политическую карьеру уже в качестве депутата грузинского парламента.

В 2000 г. на этот пост была избрана Н. Девдариани, журналист и политик, вновь избранная в 1999 г. в грузинский парламент, заместитель председателя социалистической партии Грузии. Именно с ее именем и деятельностью в 2000–2003 гг. связано становление института Народного защитника Грузии. Н. Девдариани смогла создать эффективный аппарат сотрудников, привлечь к участию в деятельности института государственной правозащиты представителей общественного правозащитного движения. В итоге она стала очень уважаемым человеком в Грузии и в 2003 г. была рекомендована ОБСЕ на должность председателя ЦИК Грузии. После ухода в сентябре 2003 г. Н. Девдариани с поста около года обязанности Народного защитника исполнял ее заместитель Т. Ломсадзе. Третьим омбудсменом стал 39-летний С. Субари, уже не являющийся ни депутатом парламента, ни политическим деятелем, но зато яркий представитель достаточно сильного в Грузии сектора неправительственных организаций. До своего назначения он работал в Институте Свободы, созданном при поддержке Фонда Сороса, и был одним из сподвижников М. Саакашвили в период оппозиции последнего президенту Э. Шеварднадзе.

² Защита прав человека на Кавказе: позиция ученых и правозащитников / под ред. А.Ю. Сунгурова. СПб.: Норма, 2002 (<http://www.strategy-spb.ru/index.php?do=biblio&doc=118>).

Уже спустя месяц после своего назначения он публично выступил с протестом против применяемых полицией Грузии методов фабрикации доказательств: «Созар Субари отметил, что на основании поступивших жалоб ознакомился с пятью уголовными делами, где протоколы обыска в качестве понятых подписывают братья Гугушвили. “При этом братья Гугушвили признают, что их показания были получены в результате шантажа и давления со стороны сотрудников полиции”, – отметил Субари. Народный защитник Грузии Созар Субари в пятницу заявил журналистам, что со своей стороны уже направил официальное реагирование в Генеральную прокуратуру Грузии и Верховный суд с требованием признать недействительными показания подобного рода»³. Запомнился он также и своим участием в митингах оппозиции. Доработав положенный срок на посту омбудсмена, С. Субари, потеряв поддержку президента М. Саакашвили, не был переизбран грузинским парламентом на второй срок. Сегодня омбудсменом Грузии является юрист-международник Г. Тигуши, ранее работавший в аппарате С. Субари, широко известного в международных кругах.

Следующей республикой Южного Кавказа, где возник обсуждаемый институт, стал Азербайджан, где в 2002 г. на пост Уполномоченного по правам человека была избрана 64-летняя Э. Теймураз-оглы Сулейманова, доктор химических наук в области органического синтеза и создатель неправительственной организации «Женщины и развитие», получившей специальный статус в ООН. В Азербайджане была хорошо известна ее общественная деятельность в рамках этого центра, а также ее деятельность в рамках ООН и других международных структур. Работа Сулеймановой на посту омбудсмена можно охарактеризовать как спокойную и эффективную в условиях политического режима Азербайджана, однако как только дело доходит до политических прав, голос омбудсмена практически не слышен. Неудивительно, что основой ее деятельности на посту омбудсмена является защита прав беженцев-азербайджанцев из Нагорного Карабаха.

В Армении также изначально на пост омбудсмена была назначена женщина, лидер неправительственной организации, занимающейся

³ Информационное агентство «Новости – Грузия». Тбилиси, 22 октября. Инга Гвилава (http://www.newsgeorgia.ru/print_version.html?news_id=305893).

правами беженцев, Л. Алавердян. Примечательно, что Алавердян получила назначение до принятия соответствующих конституционных поправок о введении такого поста, поэтому была не избрана, а назначена президентом. Она создала эффективный аппарат сотрудников и активно включилась в работу. Но как только поправки были приняты, Алавердян была отправлена в отставку, во многом из-за того, что занималась не только нарушениями вопросов прав армян в Азербайджане, как того хотелось президенту, но и правами армян в самой Армении. На ее место был назначен юрист, ректор Академии госслужбы Армении, А. Арутюнян⁴. Как впоследствии признался президент Армении, это было его самое худшее кадровое назначение, потому что Арутюнян оказался человеком, который вопреки советам сверху всерьез занимался защитой прав человека, писал интересные доклады, активно работал на международной арене. Отражением этой деятельности стало его избрание в члены правления Европейского института омбудсменов, а также недавнее назначение представителем управления Верховного комиссара ООН по правам человека в Центральной Азии.

Опыт этих трех республик демонстрирует различные варианты развития института омбудсмена. Очевидно, что наиболее авторитарный режим сложился в Азербайджане. В Армении режим чуть менее авторитарен. Конечно же, если бы Э. Сулейманова стала выступать так, как выступал А. Арутюнян, ей бы пришлось уйти.

В Грузии мы наблюдаем сегодня уже четвертого омбудсмена. При этом грузинский опыт показал, что слишком активная защита политических прав чревата для омбудсмена скорой отставкой или переизбранием на второй срок.

Что касается Северного Кавказа, то там все началось со Ставропольского края в 2002 г. А. Селюков, еще будучи прокурором, готовил заключение на проект закона «Об Уполномоченном по правам человека», а после своей отставки по возрасту сам инициировал принятие закона, и в 2002 г. был избран на пост Уполномоченного по правам человека в Ставропольском крае. Используя связи и высокий авторитет, он берется за то, за что не берутся многие омбудсмены — несправедливые решения судов. И следует признать, что несколько

⁴ Арутюнян А. Грамматика свободы (проблемы постсоветского реализма). Ереван: АРТ, 2007.

раз ему удавалось добиться успеха в этой области. При этом он ведет большую просветительскую работу, его перу принадлежат книги о работе Института Уполномоченного по правам человека на Ставрополье⁵.

Затем институт Уполномоченного по правам человека возник в Карачаево-Черкесии, где бывший депутат республиканского парламента, председатель комиссии по законодательству В. Титаренко, узнав о развитии института региональных Уполномоченных на семинаре центра «Стратегия» в Махачкале в 2000 г., добился принятия соответствующего закона и в 2003 г. был избран на пост Уполномоченного по правам человека в КЧР. В. Титаренко работал в профсоюзах республики по защите прав и на своем посту продолжает эту деятельность, имея небольшой штат сотрудников. Он не боится называть фамилии нарушителей прав человека, в том числе начальников милиции. Располагая небольшим обеспечением, он, тем не менее, пытается сделать все возможное, в том числе в условиях сложной межнациональной обстановки.

Следующей республикой, где был назначен Уполномоченный по правам человека, стала Чечня. Там очень непростая ситуация. Пост Уполномоченного был введен по рекомендации комиссара Совета Европы А. Хиль-Роблеса. Ранее в республике действовала комиссия по правам человека. Первый омбудсмен, Л. Хасуев, был назначен в 2004 г. еще до принятия соответствующего закона, прежде всего для борьбы с произволом со стороны «федералов». У него был соответствующий аппарат, который при поддержке Совета Европы прошел серьезное обучение силами центра «Стратегия». Но только Л. Хасуев и его сотрудники начали понимать свои обязанности и налаживать эффективную работу, в результате чего он стал разбираться в ситуации, как закон был принят, и решением парламента Чеченской Республики на пост Уполномоченного был назначен в 2006 г. Н. Нухажиев. Он пригласил в свою команду новых людей, в настоящее время у него большой аппарат (40 человек). Однако Н. Нухажиев не позволяет критических высказываний в адрес президента Чеченской

⁵ Селюков А.И. Жертва опознания. Очерки на правовые темы. Ставрополь, 2005; Он же. Перипетии судеб. Очерки на тему защиты прав и свобод человека. Ставрополь, 2006; Он же. Защита прав и свобод человека на Ставрополье. (История, теория, практика). Ставрополь, 2008; Он же. Невыдуманные истории. (Очерки: Уполномочены защищать). Ставрополь, 2011.

Республики, более того, критикует тех, кто находится в оппозиции к правящему режиму. Его голос в основном звучит в отношении нарушений прав человека федералами, в частности по фактам похищения людей. Можно констатировать, что Н. Нухажиев является наиболее прогубернаторским, в данном случае пропрезидентским Уполномоченным. При этом, конечно, он и его аппарат ведут большую работу по защите прав конкретных людей, особенно если виновники этих нарушений не связаны близко с Р. Кадыровым.

В Республике Дагестан в 2007 г. Уполномоченным по правам человека избрали доктора юридических наук, заведующего кафедрой гражданского права Дагестанского университета У. Омарову, которая в свое время защищала докторскую диссертацию в МГУ⁶ и про которую было известно, что она взяток не берет, что в условиях Дагестана очень важно. Это был, пожалуй, единственный случай в России, чтобы доктор юридических наук, профессор, стала Уполномоченным по правам человека. Это ближе к восточноевропейскому варианту, где на пост Уполномоченного по правам человека назначаются грамотные юристы. Проработав полтора года, У. Омарова была назначена на пост вице-преьера, курирующего силовые структуры. Это очень нетривиальный ход. На ее место назначили С. Алисултанову, заместителя министра. С. Алисултанова проработала на посту омбудсмана меньше года, после ее скоропостижной кончины У. Омарова снова вернулась на пост Уполномоченного по правам человека в Дагестане, теперь уже имея опыт работы с силовыми структурами. Это наиболее интересный вариант регионального Уполномоченного по правам человека.

В связи с этим можно предположить, что в Дагестане реализовывалась модель демократии в многосоставных обществах американского политолога А. Лейпхарта, в соответствии с которой каждая этническая группа должна иметь своего представителя во власти. Это означает и наличие практики договариваться по спорным вопросам. Позже с данной практикой стали бороться как с нарушением прав человека, как с нарушением равенства всех граждан. И после этого возникли очень серьезные проблемы. На наш взгляд, стабильность Дагестана в прежние годы была подтверждением эффективности мо-

⁶ Омарова У.А. Наследственное право и социальная справедливость. Махачкала: Юпитер, 1990.

дели Лейпхарта. Именно поэтому на должность омбудсмена был назначен профессор права, а не депутат парламента или сотрудник администрации президента.

В Ингушетии еще в 2003 г. был избран Уполномоченный по правам человека К.-С. Кокурхаев, бывший сотрудник прокуратуры. Самый пожилой из всех Уполномоченных – на момент назначения ему был 71 год. Он был честным прокурорским работником, будучи единственным, кто выразил протест, когда первый президент Дагестана Р. Аушев пытался ввести в республике многоженство. За протест против этой инициативы президента он был отправлен в отставку, после чего его избрали Уполномоченным. Он принципиальный человек, но был сконцентрирован на теме Пригородного района и несправедливости по отношению к ингушам. Что бы ни обсуждалось на встречах Уполномоченных, он поднимал этот вопрос везде, поэтому относились к нему специфически. Кроме того, он был абсолютным сторонником президента М. Зязикова. Поверив президенту, К.-С. Кокурхаев везде выступал в его защиту, рассказывая о честных выборах и отсутствии похищений людей. Таким образом, он себя дискредитировал, и новый президент заявил, что не доволен его работой. Законным образом парламент оправил К.-С. Кокурхаева в отставку. Недавно на пост Уполномоченного по правам человека избран относительно молодой человек, 35-летний декан юридического факультета ИнГГУ Д. Оздоев, который в течение десяти лет на уровне неправительственных организаций занимается развитием этого института.

В Кабардино-Балкарской Республике на пост Уполномоченного по правам человека в 2007 г. был избран Б. Зумакулов, доктор исторических наук, тоже очень яркая и интересная фигура. Он был первым секретарем областного комитета КПСС в Кабардино-Балкарии в последние годы советской власти, после чего был министром труда и социального развития республики, а затем председателем ЦИК⁷. В 67 лет его назначили Уполномоченным по правам человека. Он вел себя очень осторожно, ни одного семинара там провести не удалось, так как после трагических событий в Нальчике любое мероприятие по правозащитной проблематике воспринимается как возможная

⁷ Зумакулов Б.М. Из новейшей истории Балкарского народа (1944–2003). Нальчик: Эль-Фа, 2003; Зумакулов Б.М. Институт выборов в истории Кабардино-Балкарии. Нальчик, 2005.

опасность. Поэтому эффективность института Уполномоченного по правам человека в республике до недавнего времени была относительно низкой, по крайней мере в сфере публичной политики. При этом Б. Зумакулов помогает конкретным людям в восстановлении их нарушенных прав. Отметим, что в последнее время повысилась его публичная активность, в частности, он инициировал поправки в республиканское законодательство о митингах и демонстрациях, снимающие ряд ограничений на их проведение. Важной стороной его деятельности стало также издание сборников по проблемам прав человека⁸.

Последним институт Уполномоченного по правам человека был введен в Северной Осетии, где этот пост занял адвокат В. Цомартов. Изначально не очень заинтересованный в работе этого института, впоследствии он проявил самостоятельность. Когда в июле 2010 г. началась кампания против Уполномоченного по правам человека РФ В. Лукина и объявлялось, что региональные Уполномоченные подписывали заявления против Лукина, сообщалось, что и Цомартов подписал такое заявление. Однако он публично опроверг эту информацию. В эфире радиостанции «Эхо Москвы» Цомартов заявил, что после того, что В. Лукин сделал для Осетии, в том числе для Южной, он как Уполномоченный просто не мог подписать данное заявление. После этого ему звонили из администрации президента Республики Северная Осетия – Алания с тем, чтобы он отозвал свой отказ и подписал заявление, однако Уполномоченный не стал его подписывать. Таким образом, он показал себя человеком принципиальным, однако с точки зрения развития и работы этого института в деятельности Цомартова трудно выявить что-то конкретное.

Предпринятый нами краткий обзор отражает как состояние развития института Уполномоченного по правам человека в республиках Закавказья и на Северном Кавказе, так и идею, что обратного пути нет. Нет ни одного случая, когда этот институт был бы ликвидирован. Да, Уполномоченного могут заменить на более «послушного» человека. Однако в условиях Ингушетии Д. Оздоева нельзя назвать более «послушным», чем Кокурхаева – скорее, замена Уполномоченного была правильным шагом. Если сравнивать с другими ре-

⁸ Права человека в Кабардино-Балкарской Республике / сост. Б.М. Зумакулов. Нальчик, 2008.

гионами РФ, то в Санкт-Петербурге был заменен Уполномоченный И. Михайлов, который на своем посту стал заниматься реальной защитой прав, в том числе проблемами коррупции в строительном бизнесе, обманутых вкладчиков, дольщиков и т.д. В результате его очень быстро отправили в отставку⁹. То же самое произошло в Нарьян-Маре, где Уполномоченный выступил против произвола председателя Союза рыболовецких колхозов.

В последние годы идея прав человека в России как идея разделения властей, автономии человека, имеет реальные перспективы развития. Тот факт, что в последнее время создаются все новые и новые институты, в том числе и в области защиты прав человека, свидетельствует о том, что режим выглядит не столь обреченным на авторитарный путь, есть тенденция к усилению плюрализма. В этой связи хотелось бы обратиться к опыту А. Хиль-Роблес, уникального человека, профессора права, первого Комиссара Совета Европы по правам человека. В 1977 г., когда обсуждался вопрос о создании института омбудсмана в Испании, он писал, что этот институт будет эффективен только в условиях реального разделения властей, в условиях сильного парламента, который может контролировать исполнительную власть, независимости судебной власти, иначе создание этого института будет лишь грубой профанацией. А. Хиль-Роблес предостерегал от преждевременного создания института Уполномоченного по правам человека в Испании¹⁰. Как известно, через два года институт был создан, после чего его избрали омбудсменом. Через 20 лет, выступая в Московской школе политических исследований в 1998 г., еще до того, как Хиль-Роблес стал Комиссаром Совета Европы, он говорил, почему этот институт, который казался таким слабым, оказывался столь действующим и эффективным в нашем непростом, злом и несовершенном мире¹¹. Институт омбудсмана во всех поставторитарных странах приживается с огромным трудом.

⁹ Подробнее см.: Сунгуров А.Ю., Цымбалова Н.А., Лопатина Я.В. Незаконченная история петербургского омбудсмана // Институт Уполномоченного по правам человека в России: опыт ветеранов и позиции экспертов / под ред. А.Ю. Сунгурова. СПб.: Норма, 2011. С. 70–88.

¹⁰ Хиль-Роблес А. Парламентский контроль за администрацией (институт омбудсмана). М.: Ad Marginem, 1997.

¹¹ Хиль-Роблес А. Омбудсмен существует для того, чтобы разоблачать злоупотребления властью (<http://index.org.ru/nb/2000/alvaro.html>).

В Польше после Е. Литовской второй омбудсмен поднял вопрос об опасности клерикализации Польши, его пытались сместить депутаты, которым не удалось набрать большинство голосов. В Литве после прихода социал-либералов Комиссия по правам человека поставила вопрос о ликвидации этого института. На его защиту встали и левые и правые политики, а также СМИ и общественность. Таким образом, в Литве сохранился институт Контролеров сейма.

Зачастую наиболее активных омбудсменов в таких случаях смещали, назначая на их место более послушных. Как правило, они способны приспосабливаться к конъюнктуре. Там, где Уполномоченные могут заниматься только правовым просвещением, правовым образованием человека, они этим и занимаются. Там, где существует возможность рассматривать жалобы на мелкие нарушения – рассматривают жалобы. Как только появляется больше возможностей, они начинают проявлять больше активности. Поэтому в любом случае институт омбудсмена урона не наносит, а с точки зрения оказания помощи отдельным людям работает, как правило, весьма эффективно. Здесь возникает вопрос, занимаются ли омбудсмены реактивной работой по защите прав человека, либо проактивной – правовым просвещением, изменением законодательства, международным сотрудничеством, организацией конференций и семинаров.

В Абхазии и Южной Осетии также избраны Уполномоченные по правам человека, но они не участвуют в международных мероприятиях, поэтому о них нет информации. Была идея собрать круглый стол с участием этих Уполномоченных в Северной Осетии. Ее поддержал экс-президент Карачаево-Черкесии, судья Конституционного суда РФ в отставке Б.С. Эбзеев, однако затем было заявлено, что это может вызвать некоторые проблемы, после чего от проведения круглого стола было решено отказаться. Также институт омбудсмена существует в Нагорном Карабахе.

Мы не можем сказать, что в регионе институт Уполномоченного по правам человека возник по инициативе «сверху» или с оглядкой на Запад. Идея его создания выдвигалась и правозащитниками, и даже институтами академий наук. В Академии наук Азербайджана был специально создан Институт прав человека, в число задач которого входила подготовка предложений о формировании института Уполномоченных. В Грузии развитие этого института стало частью общедемократического движения. Также нельзя утверждать, что раз-

вите института Уполномоченных по правам человека в России обусловлено исключительно необходимостью вступления в Совет Европы.

Если же коснуться темы местных традиций, то в Азербайджане можно проследить использование мусульманской концепции института Уполномоченного по правам человека – мухтасиба. В некоторых научных публикациях даже утверждается, что концепция Уполномоченного имеет помимо шведского еще и османское происхождение. Мухтасибом именовался чиновник при султানে, который осуществлял надзор за соблюдением законов шариата и в случае их нарушения имел право требовать их соблюдения. Неслучайно национальное название этого института в Пакистане – Верховный мухтасиб Пакистана. Версия такова: когда Карл XII находился в Турции де-факто на положении пленника, он мог наблюдать работу института мухтасиба. Вернувшись в Швецию, он передал омбудсмену, до этого контролировавшему лишь судебные органы, полномочия по надзору за деятельностью администрации. Таким образом, он адаптировал османский опыт в своей стране. Карл XII, естественно, не имел в виду нарушения прав человека. В современном смысле, как институт государственной правозащиты, этот институт сформировался в 1980-е годы в Европе.

Глава 2. Традиционные отношения власти в контексте реализации прав человека в Кавказском регионе

А. Атаев

Хотелось бы начать с собственного видения того, что такое права человека. Права человека — это нечто, что происходит на линии взаимоотношений между человеком и властью. То есть это не горизонтальные, а именно вертикальные связи. Именно то, о чем говорится в Конституции, т.е. о каждом человеке — не о народе, не о нации, не об этносе, именно о каждом, о человеке и о власти. В этом аспекте хотелось бы обратить внимание на следующий момент: как понимают региональные политические элиты Северного Кавказа проблему прав человека.

Но прежде несколько суждений из истории прав человека. Во-первых, права человека — это тот концепт, который был в XIX в. закреплён в ряде конституций стран Западной Европы, в частности, что государство октроирует часть прав своим подданным. То есть гражданин платит налоги, а государство обеспечивает гражданину право на жизнь, избирательные права и т.д. Во-вторых, проблематика общественного договора «с кавказским акцентом». Концепция общественного договора на Кавказе уже предполагает некую институционализацию, т.е. граждане (а большинство членов социума являются уже членами какого-либо сообщества) договариваются на определенном уровне с представителями региональной политической элиты. В Ингушетии и Чечне это тейпы и тухумы. В Северной Осетии действует «ущельско-родовой» принцип. Кроме того, в этой северокавказской республике сильны национально-культурные общества, объединённые в ассоциацию. В Дагестане, на наш взгляд, мусульманская умма (и это далеко не только Духовное управление мусульман) — довольно серьёзная институциональная сила. В Карачаево-Черкесии казачество и мусульманская умма — серьёзные акторы. В Кабардино-Балкарии, которая очень нехотела в последнее время стала очагом напряжения, также имеется ряд акторов. Прежде всего это общественные структуры, работающие над проектами адыгского и балкарского национально-культурного возрождения. Договор с региональной властной вертикалью, разумеется, не

имеет какого-либо юридического статуса. Как правило, это само собой разумеющийся акт.

Например, если во власть выходит представитель определенного ушелья, тухума, тейпа, дагестанского субэтноса, то региональные политические элиты будут трансформированы «с этим уклоном». Это доминанта, превалирующая над сущностью политических и даже экономических процессов в этом регионе.

Процитируем, в частности, одного известного политолога: «Мне видится, что региональные политические элиты республик Северного Кавказа воспринимают права человека как дар, который даруется ими каждому проживающему в регионе. Это благо, которое исходит от меня».

Называя конкретные проблемы прав человека, хотелось бы обратить внимание на следующее: необходимо выделить несколько проблем, на наш взгляд, имеющих наибольшее значение. Во-первых, право на образование. Сегодня российские регионы, а точнее города федерального значения Москва и Санкт-Петербург, столкнулись с очень большим наплывом абитуриентов из республик Северного Кавказа. Можно рассматривать это как проблему (и часть общества именно так эту ситуацию и воспринимает), а можно как факт, подтверждающий, что «Россия является подлинно федеративным и многонациональным государством». Одним из источников этого движения является очень низкий уровень образования в регионах Северного Кавказа. На каком фоне это происходит? Регионы Северного Кавказа по количеству студентов находятся в передовой десятке. На первом месте Москва, затем Санкт-Петербург, потом Северная Осетия и т.д. Допустим, что в Республике Северная Осетия – Алания около 20 тыс. студентов. Они, получают, к сожалению, не самое лучшее образование. Часть из них переводится и уезжает уже на втором или третьем курсе. Большинство аспирантов стараются поступить в ведущие научные центры страны. Это происходит на фоне демографического взрыва. По количеству молодежи регионы Северного Кавказа – самые «молодые» регионы страны. В принципе формально, с точки зрения прав человека, здесь проблемы нет. То есть ст. 43 Конституции не нарушается. «Каждый имеет право на образование». Но в Конституции не сказано, что каждый имеет право на качественное образование. Тем не менее хотелось бы обратить внимание на эту проблему в том числе и в контексте других прав, потому что некаче-

ственное образование — это неэффективное социальное обеспечение, неудовлетворительное состояние медицины, проблемы судебной системы. А это касается прав, закрепленных в Конституции.

Поэтому право на образование — это реальная проблема. Ответственные организации, работающие в данной сфере, а это в основном организации, существующие на гранты ЮНИСЕФ и других зарубежных структур, констатируют: на данный момент нет предпосылок для того, чтобы повысить качество образования. Сейчас наблюдается вторая фаза оттока молодых преподавателей из республик.

Во-вторых, проблема, связанная с ограничением свобод. Свобода — одна из тех проблем, которая особенно актуальна в данном контексте. Дело в том, что люди, считающие себя последователями ислама, например, задержанные по подозрению в совершении терактов, в религиозном отношении невежественны. Они не знают элементарных религиозных норм и догм, неправильно и достаточно жестко интерпретируют нормы ислама. И это касается в основном молодой части населения. Отчасти это тоже проблема образования, потому что монополию на образование в сфере религии получили деструктивные исламистские силы. Понемногу эта проблема начала решаться в Кабардино-Балкарии и в Дагестане. В Чеченской Республике методы ее решения пока нельзя назвать гуманными.

Свобода вероисповедания затрагивает не только проблему ислама как такового, она затрагивает проблему русскоязычного населения, проживающего в республиках Северного Кавказа. В Хасавюрте притесняется православная община, в ряде республик были обстреляны православные храмы, в недавнем прошлом поврежден купол одного из храмов в Ингушетии. Стреляли из гранатомета. Об этом сообщали СМИ. В данном аспекте вопросы нарушения прав поднимаются, как правило, представителями федеральной, региональной политической элиты, в частности Министерством регионального развития.

Еще одной проблемой является отток русскоязычного населения из республик Северного Кавказа (хотя подчеркивается, что нерусскоязычного населения на Северном Кавказе нет). В Интернете есть специальные порталы, осуществляющие мониторинг ситуации и подтверждающие данный факт. Русскоязычное население, как правило, представляет собой инженерные кадры, которые были при-

влечены в регион в период развития промышленности в советское время.

В-третьих, понимание прав человека институтами гражданского общества. Даже в регионах Центральной России правозащитные и гражданские организации воспринимаются как «островки девиации». Кажется, что люди, занимающиеся правозащитной деятельностью, это неуспешные люди. Это понимание региональных политических элит на основе одного из экспертных опросов. Кто, как правило, занимается развитием института гражданского общества в республиках Северного Кавказа? Люди, которые имеют основную работу, а помимо этого имеют желание работать по гранту и развиваться профессионально в этой области.

Хотелось бы обратить внимание и на еще один факт – устойчивый правовой нигилизм населения, у которого сейчас в принципе нет желания повышать свой профессиональный уровень за счет взаимодействия с такими институтами, как суд, общественная палата или институт Уполномоченного по правам человека. С другой стороны, представители региональных общественных палат в последнее время констатируют возросший уровень обращений по поводу нарушения гражданских и политических прав со стороны органов государственной власти.

Главная и наиболее злободневная проблема Северного Кавказа – это терроризм. Терроризм как социальная аномия и деструктивная деятельность не может не влиять на общественно-политическую ситуацию в регионе. Появление «внесистемного» поля – организаций, осуществляющих деструктивную деятельность, к которым мы относим террористические подпольные организации, но в определенном смысле прошедшие этап легитимации (как привило, через освещение их деструктивной деятельности в СМИ), способствует ужесточению антитеррористической деятельности властей. А это неизбежно влечет ограничения, а иногда и нарушения прав и свобод человека и гражданина.

К тому же здесь выявляется и следующая закономерность. Террористическая среда не противопоставляет себя открыто гражданскому обществу (правозащитным организациям), она стремится взять его под контроль, использовать имеющуюся в его распоряжении социальную сеть для своих разрушительных целей, внедряется как вирус и выстраивает свою социальную базу на социальных сетях граж-

данского общества (в том числе и в лице правозащитных организаций), по возможности используя и структуры государства. Современный терроризм пытается «разогреть» общество, чтобы взорвать ситуацию изнутри и руками гражданского общества, доведенного до состояния паники и неконтролируемой агрессии, устранить существующий порядок.

Эта проблема оказывает серьезное влияние и на сферу прав человека, и на развитие институтов гражданского общества. После одного из терактов совершенных на Северном Кавказе, на этот раз в столице вновь образованного Северокавказского федерального округа городе Пятигорске, один из лидеров Российского конгресса народов Кавказа в интервью средствам массовой информации заявил, что причиной совершения данного теракта мог быть крупный федеральный молодежный форум, проходивший в это время в Пятигорске. «Террористы очень боятся объединения различных социальных слоев страны и тем более молодежи разных национальностей. Особенно на Северном Кавказе», – отметил выступавший.

Одним из источников институционального развития гражданского общества являются так называемые «движения одной проблемы», обозначающие себя в том числе как правозащитные. В качестве примера можно привести такие организации, как «Матери Беслана», «Голос Беслана», движение чеченских матерей и т.д. Как правило, эти институты гражданского общества развиваются как оппозиционные движения.

Еще одной предпосылкой развития правозащитных организаций на Северном Кавказе является продолжающаяся работа в регионе западных грантодающих организаций, хотя эта поддержка заметно уменьшилась. Кроме того, в регионе продолжает работать УВКБ ООН.

Немаловажную роль в развитии институтов гражданского общества правозащитного направления играют РПЦ и ДУМ (Духовное управление мусульман). Роль этих общественных институтов в последнее десятилетие заметно возросла. Имеется в виду работа ДУМ с представителями радикальных исламистских течений и активизация РПЦ даже в регионах, преимущественно населенных мусульманами.

Глава 3. Терроризм как фактор реализации прав человека на Северном Кавказе

Г. Шведов, С. Арутюнов

Обсуждая ситуацию в регионе, мы вынуждены констатировать, что фактически говорим уже не о вялой, а о достаточно активной фазе гражданской войны, в которой принимают участие должностные лица высшего уровня. Уже понятна ситуация, связанная с нарушениями прав человека, в особенности нарушениями права на жизнь, права на неприменение пыток. Мы понимаем, сколько людей подвергается такому нарушению базовых прав. Я думаю, что сейчас не имеет смысла останавливаться на гражданских правах и свободах, на том, в какой степени это определяет ситуацию в регионе.

Важно понимать, что тот разрыв, который в целом в стране существует между властью и обществом, связан в первую очередь с имущественным вопросом. Положение в обществе на Северном Кавказе в большой мере определено тем, насколько спокойно можно сегодня жить, насколько безопасность является принадлежностью человека вне зависимости от социального статуса, определенного положения. Статистика, доступная нам, в достаточной мере подтверждает это.

В 2010 г. мы ощущали внимание российской и мировой прессы к проблеме терроризма на Северном Кавказе, что было связано со взрывами в московском метро. Все хорошо понимают количество терактов, которые произошли за прошлый год на Северном Кавказе: мы говорим о 240 взрывах и терактах, мы говорим о не менее 15 смертниках, т.е. людях которые шли готовить теракты, подготовив свое собственное самоубийство и подготовившись к тому, чтобы стать шахидами, как они сами себя называют. В этой ситуации, когда более 600 человек на небольшой территории были убиты за прошлый год, мы понимаем, что из 600 человек 200 – это сотрудники силовых ведомств, т.е. это двусторонняя модель – убивают боевиков, которых, как объявляется, осталось совсем немного. Р. Кадыров все время говорит, что это «кучки», несколько человек, и вслед за этими заявлениями следует резонансное нападение, как, например, в 2010 г. на парламент. Безусловно, СМИ, не имеющие корреспондентов в ре-

гионе, преувеличивают масштаб этих нападений, но, тем не менее, надо полагать, что эти факты имеют место быть.

Мы впервые сталкиваемся с ситуацией, когда видно, что анализ проведен, есть у федеральных органов понимание ситуации, начиная с высших федеральных чиновников и заканчивая чиновниками регионального уровня. Какое решение этой проблемы есть? Что предполагается сделать? Сформирована Стратегия социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа до 2025 г., в конце года сформирован план ее реализации, на сегодняшний день ответ на вопрос о вызовах в сфере безопасности лежит в плоскости социально-экономического развития. Существует представление о том, что люди, движимые идеями джихада, это одна группа. Люди, движимые идеями национально-освободительной борьбы – уже другая. А люди, движимые идеями кровной мести или какими-то личными мотивами, – это третья группа, которая может сложить оружие в ответ на предложении менеджера в турагентстве, чиновника в министерстве и т.д.

Тем не менее вопрос избытка трудового потенциала на Северном Кавказе – это вопрос создания рабочих мест – до 400 тыс., которые учтены в стратегии. Это хороший результат. В принципе, если эта стратегия не будет давать каких-либо видимых результатов, то вполне очевидно, что будет попытка силового решения вопроса, а не привлечение «сибирского» менеджера, который решает вопросы социально-экономическими методами. То есть сложившуюся ситуацию может изменить назначение силовика: не из числа «бывших» силовиков, т.е. силовиков без полномочий, но «силовика с полномочиями». Такие меры могут быть действенными вплоть до проведения Олимпиады в Сочи.

Также стоит уделить внимание тому, что является социальной базой терроризма на Северном Кавказе. При этом было бы неверным рассматривать исключительно социальную подоплеку терроризма. Безусловно, социально-экономическая ситуация на Северном Кавказе в большой мере кризисная для большого количества молодых людей, но не только. Отсутствие работы в идеологической сфере, даже не в области пропаганды. Пропаганды у нас достаточно, но эффективность ее довольно низка.

На наш взгляд, надо смотреть и на идеологическую подоплеку терроризма. Как ни странно, эти люди, именно люди, движимые иде-

ологическими соображениями, являются представителями высших социальных слоев. Это родственники высокопоставленных чиновников, люди из обеспеченных семей, поэтому полагать, что только группы маргинальных безработных за какие-то «фальшивые доллары» идут в леса и воюют — это, конечно же, полное заблуждение. При этом есть и другой аспект, он очень важен. И в первую очередь речь идет не о религиозной подоплеке, не о джихадизме, который хорошо развит, а о движущей силе той несправедливости, которая сейчас на Северном Кавказе имеет особое значение. Отсутствие мандата на реализацию справедливости в государственных органах мотивирует большое количество людей. Это к вопросу о том, что омбудсмены в разных регионах играют различную роль, так как им действительно удается решать вопросы в плоскости справедливого решения, в плоскости, которая может удержать людей от решительных действий. Это проявляется в большей мере в Дагестане и в меньшей степени в Чечне, где Уполномоченный по правам человека играет прямо противоположную роль.

В отношении социальной базы терроризма прежде всего хотелось бы отметить, что государство есть институт классового угнетения. Причем любое государство, в том числе социалистическое и коммунистическое. Это форма, в которой реализуется диалектическое противостояние трудовых масс и правящих классов. Те, кто как-то приспособился, входят в эту верхушку или приспособились к сосуществованию с ней. А вот социальную базу терроризма составляют, с одной стороны, плебс, т.е. люд, но не сам по себе, а организуемый и направляемый «неудачниками» из интеллигенции. То есть людьми, которые хотели бы реализовать себя как художники, актеры или поэты, но не получили признания. В результате они стали такими, какими стали. Повсюду в мире, не только на Кавказе, терроризм состоит из этих двух категорий. Первая — это беднейшие люди, плебс. У плебса нет образования, нет социального положения, нет денег, на которые можно приобрести образование и социальное положение. Вторая категория — это люди очень обеспеченные, хорошо образованные, хотя, как правило, недоучившиеся. Они испытали фрустрацию в своей интеллектуальной карьере и поэтому поддались этому диссидентскому, террористическому движению.

Однако те слои населения, у которых есть деньги, не заинтересованы в терроризме. Кроме того, те, кто не может прямо заработать

деньги, входят в клиентелу бюрократической верхушки. У таких есть семья, которая сама по себе насчитывает несколько сотен человек, также у них есть охранники, этакая маленькая армия. Главное, что у них есть своя клиентела: свои врачи, свои юристы, которых они кормят. Их официального заработка катастрофически не хватает, но вот того, что они получают от патрона, им вполне достаточно. И они также в террористы не пойдут. И сам патрон, конечно же, может устроить экономические «разборки» своим конкурентам, но на террористические действия вряд ли сподобится.

Таким образом, все люди, которые находились в верхушке терроризма, могут содержать семью — им нужно другое. Им нужен престиж, статус, положение. Не имея возможности заработать его «мейнстримным» путем, они его зарабатывают «экстремальным» путем. А то, что он экономически успешен как предприниматель, ни о чем не говорит. Ведь у людей бывает разная мотивация: личной мести, религиозного фанатизма и др.

Кроме того, почерк поведения шахидов позволяет предположить, что они подвергались очень искусному зомбированию. Во-первых, осуществляется отбор, потому что не каждого человека можно зомбировать, надо еще найти тех, которых можно зомбировать, и это большое профессиональное умение. А во-вторых, найдя человека, которого можно зомбировать, его еще нужно готовить и постепенно зомбировать, чтобы вырастить из него эффективного зомби-шахида. Очевидно, есть какой-то центр, в котором работают люди, обладающие мощными профессиональными навыками гипноза и зомбирования. Такой центр может быть не пирамидальным, а сетевым.

Глава 4. Этнические, социальные и экономические противоречия в Кавказском регионе

3. Кананчев

Живя в России, нельзя не интересоваться проблемами, существующими на Северном Кавказе, так как это часть нашей страны не только территориально, географически, но и духовно. И та ситуация, которая сложилась сейчас на Северном Кавказе, не может не волновать каждого из нас. Северный Кавказ является частью нашей страны, государства Южного Кавказа еще несколько лет назад были советскими республиками, а сегодня находятся с нами в одном культурном пространстве. Говорить о правах человека можно с большой натяжкой, тем более на Северном Кавказе. Верно отмечалось, что эти регионы находятся в состоянии войны, что бы мы там не говорили. Де-факто мы видим, что военная составляющая преобладает над гражданской, и конфронтацию, которая прежде всего выливается в вооруженное противостояние властей и оппозиционных ей групп. Эта война идет по нарастающей – с каждым днем, с каждым годом число жертв увеличивается.

Согласно озвученной статистике, 200 человек, представляющих правоохранительные органы, были убиты. А общее число погибших составило 600 человек. Это были зрелые люди, в полном расцвете сил, на которых должно было держаться будущее нашей страны. Они в конфронтации истребляют друг друга, и конец этому положить пока не удастся. Все началось с развала СССР, продолжается и усугубляется двумя войнами на Кавказе, которые можно назвать «чеченскими». Поэтому тот потенциал, который благоприятствует противостоянию, на сегодняшний день достаточно велик. В этом случае говорить о правоприменительной практике в области прав человека на Северном Кавказе достаточно сложно. Следует обратить внимание и на то, что в большинстве республик Северного Кавказа не работают суды присяжных, и привить подобный институт на данный момент не представляется возможным, в отличие от большей части России, где они внедряются.

С. Арутюнов говорил нам о социальной природе терроризма, но при всем уважении я не могу с ним согласиться, потому что суще-

ствуется понятие «плебс», но если так характеризовать людей по имущественному принципу, то большинство можно зачислить в число люмпенов. В этой марксистской «классовой» терминологии есть симпатия к народу, так как выходцы из него были у власти. Если полностью следовать такому взгляду, то это слишком упрощает ситуацию, потому что есть разные категории людей, люди все неодинаковые. Самое опасное для государства и для общества — это то, что управлять им пытаются люди без понятия справедливости, с личными мотивами, не в укор российскому обществу.

В этой связи нужно понимать, что революционный потенциал русского народа иссяк. Кроме того, это связано с демографической ситуацией: как правило, молодые люди радикально реагируют на несправедливость, а человек постарше в большей степени склонен к осмыслению ситуации. Поэтому это объективный процесс. На Кавказе молодежь составляет около 70% населения, ко всему этому стоит добавить менталитет горского народа плюс всеобъемлющую форму государства в виде восточной деспотии, к которой ближе российская традиционная государственность. Поклонение идее государства в России наблюдалось даже после революций. Народы Кавказа развивались как горные общества, будучи при этом частью российской имперской государственности. Непокорность они проявляли гораздо чаще. Наша единственная функция и возможность — вспомнить данные исторические моменты и сказать об этой проблеме вслух, а принимать решения должны наши власти.

Несмотря на все принятые Российской Федерацией декларации, главным принципом в отношении Северного Кавказа является то, что народы, проживающие в данном регионе, приемлют только силу, а результатом такой политики является терроризм, волну которого не удастся сбить до сих пор. В этой связи говорить о правоприменительной практике в области прав человека в отношении Северного Кавказа не представляется возможным, поскольку война, в состоянии которой находится данный регион, по сути, является нецивилизованным случаем, и ожидать от ее участников гуманных поступков не представляется возможным. Однако за всплеск терроризма на Северном Кавказе в большей степени несет ответственность именно государство. Так, во время антитеррористических операций даже те законы, которые обычно действуют во время военных действий, попираются. В частности, внесудебное уничтожение потенциально опас-

ных людей приобрело широкое распространение в регионе, поэтому не стоит удивляться появлению массы людей, затронутых этими незаконными действиями, которые пополняют ряды шахидов.

Поэтому институт Уполномоченного по правам человека в республиках Северного Кавказа, бесспорно, необходим, даже если его сотрудники спасут несколько человек или хотя бы прояснят судьбу отдельных людей. Однако государству необходимо полностью менять свое отношение к Северному Кавказу. Те меры, которые сейчас предлагает правительство, конечно, необходимы, но в лучшем случае они приведут к «замазыванию» проблемы, а не ее решению. Весьма вероятно, что в будущем мы столкнемся с нарастанием военной опасности и усилением конфронтации, которая превратилась уже не в вялотекущую, а в полноценную гражданскую войну, как это было с городскими партизанскими войнами в Латинской Америке.

В 2000-е годы во время антитеррористических операций на территории Чечни была создана единая террористическая сеть. По сути, эти сетевые подпольные организации, действующие против федерального правительства, объединены вооруженными организациями в Кабардино-Балкарской республике и Ингушетии. Причем центр активности постепенно переместился в Дагестан, Ингушетию и Кабардино-Балкарию. Следующим этапом, вероятно, будет усиление террористической активности, а после все это может вылиться в открытое столкновение, тем более что подобные прецеденты уже бывали. Так, в 2005 г. произошло нападение на Нальчик, хотя и не очень удачное, но город на полдня был захвачен. В Назрани все произошло куда страшнее: 60 сотрудников ФСБ были убиты, причем большинство из них были делегированы из федерального центра. Еще одна проблема заключается в том, что на Северном Кавказе нет харизматического лидера — правоохранительные органы уничтожают людей, которые были популярны в республиках.

Однако, как известно, всякая война кончается миром. Не было в истории еще ни одной войны, которая не кончалась бы миром. Мир может быть достигнут за счет полного уничтожения противника или за счет его безоговорочной капитуляции и установления оккупационного режима. Однако это крайний случай. В большинстве же случаев заключается какой бы то ни было мир. Воюющие стороны продолжают существовать как политические организмы, но договариваются о неких условиях этого мира, делаются территориальные уступ-

ки, выплачиваются контрибуции и репарации и т.д. Так или иначе, но наступает на какое-то время перемирие, после чего снова начинается война.

Если на Северном Кавказе идет война, то с кем заключать мир? Даже если мы очень захотим любой ценой заключить мир, с кем мы его заключим? Когда Советский Союз воевал с гитлеровской Германией, несмотря на то что Гитлера уже не было в живых, был заключен мир с правительством Третьего Рейха, которое подписало безоговорочную капитуляцию. Это правительство после подписания капитуляции просуществовало еще 20 дней, после чего все его члены были арестованы. Так вот с кем Россия должна заключить мир сейчас применительно к Северному Кавказу? А если мир заключать не с кем, если его принципиально заключить невозможно, то значит, по определению, это не война, а нечто другое.

В кулуарах часто идут разговоры о том, что в целях дальнейшего спокойного развития следует отделить три северокавказские республики: Чечню, Ингушетию и Дагестан. Подобные разговоры заходят и о Кабардино-Балкарии, все более беспокойной в последнее время, где нарастает вооруженная конфронтация. Безусловно, эти процессы ведут к разрушению страны. Дело усугубляется еще и тем, что Россия в национальном вопросе не ограничивается только Кавказом. Сходные проблемы существуют и в Поволжье, где на протяжении последних 20 лет данный вопрос остро стоит в Туве. Имея три крупных угольных месторождения, способных прокормить саму республику и прилегающие регионы, бюджет Тувы весьма невелик, поскольку месторождения зарегистрированы за ее пределами. Схожая ситуация наблюдается и в Якутии.

Идеи, связанные с отделением северокавказских республик от Российской Федерации, активно обсуждаются в среде русских националистов. С другой стороны, представители дагестанской общественности говорят, что «мы [дагестанцы] добровольно в Россию не вступали, но мы добровольно из России и не уйдем». Поэтому данная позиция требует очень тщательного обсуждения. При этом следует принимать во внимание тот факт, что основная масса выходцев из Дагестана уже расселена по всей России. Однако они продолжают сохранять тесные связи со своими родственниками в Дагестане.

В настоящее время существуют термины «дальнее зарубежье» и «ближнее зарубежье», т.е. бывшие советские республики. Однако вхо-

дит в обращение еще и термин «внутреннее зарубежье», под которым подразумеваются республики Северного Кавказа. При этом на очереди во «внутреннее зарубежье» стоит еще ряд регионов России. В основном это мусульманские регионы, а также регионы с ярко выраженным национальным движением протеста. К сожалению, российскому правительству до сих пор так и не удастся разрешить проблему национальной идеи в стране. Передача ее на откуп РПЦ также не способна достичь желаемых результатов.

В конце концов все мы являемся представителями российского народа, представителями русской цивилизации. Другое дело, что в этой связи многое будет зависеть от государствообразующего народа. То есть, вероятно, придется следовать формуле «грузин – это призвание, а русский – это судьба».

Кроме того, антитеррористические операции на Северном Кавказе сильно повлияли на психику молодых людей, они привыкли убивать, и не все из них сегодня адекватны. Адекватность присутствует в среде образованных людей, хотя определенная боязнь тоже имеет место. Понятно, что кто-то воспитывался в своей среде, для своей среды человек нормальный, но в любом народе есть стереотип о других народах, в том числе и негативный. Это дает потенциал для конфликта. С сожалением скажу, что такое отрицание других стало модным массовым течением. Поэтому, вероятно, конец этому придет не скоро, в настоящее время конфликт будет только нарастать.

Послесловие

Если подвести некоторый итог дискуссии, то следует отметить, что Кавказский регион действительно является регионом с неспокойной ситуацией, регион перенасыщен этническими и религиозными противоречиями, регион с крайне сложной ситуацией в области правового регулирования и правовой культуры. В то же время, несмотря на то что на Северном Кавказе де-факто идет гражданская война, тем не менее, созданы условия для нормального функционирования институтов. Корневая суть защиты прав человека как раз и должна строиться на том, чтобы учитывать культурные и религиозные особенности, а также менталитет кавказских народов.

Эта корневая суть выражает для кавказских народов то же, что для других народов базируется на общечеловеческих ценностях. Кавказ просто гипертрофированно воспроизводит все то, что происходит в России. Если взять, к примеру, верхушку, которая пронизана коррупцией, то почему надо думать что на Кавказе она другая? Необходимо кардинальное переустройство. Есть ли в этом смысл, если на Кавказе все будет меняться, а в России продолжать разлагаться? Для изменения ситуации на Северном Кавказе необходимо переустройство России в целом.

Когда мы говорим о правовом нигилизме на Северном Кавказе, мы говорим только о нигилизме относительно российского права, хотя международное и российское право вытекают из римского права и в теории друг другу не противоречат. Отсюда роль омбудсмана на Кавказе в значительной степени отличается от его роли в других регионах, где он главным образом реагирует на нарушения канона или римского права. На Кавказе его основная роль заключается в согласовании, поиске баланса между показанными выше основными формами права. Приведем пример: ущемление свободы слова на телевидении может быть компенсировано Интернетом. Поэтому данный аспект не столь принципиален.

Обсуждается вопрос отношения к доносительству. Бывшие граждане СССР, включая жителей Северного Кавказа, 70 лет прожившие под ярмом ЧК, НКВД и КГБ, к доносительству относятся принципиально негативно. К примеру, в США это является нормой и даже гражданским долгом. Они живут по принципу «Когда я вижу, как

мой сосед нарушает закон, то как же мне не позвонить в полицию?». Это хорошая иллюстрация разницы в менталитете.

Что же мы подразумеваем под правом и правами человека на Северном Кавказе? Проблема в том, что кавказские народы живут в четырех правовых пространствах. Первое — это адат, обычное право; второе — это нормы шариата, применяемые в одних местах больше, а в других меньше; третье — это светское право, выраженное в Конституции и законодательстве Российской Федерации. Четвертый уровень — международное право, в частности право Европейского суда по правам человека. Очень многие обращаются в Страсбургский суд. Большая часть прецедентов суда с участием Российской Федерации связана именно с событиями на Кавказе. Таким образом, человек живет сразу в четырех правовых системах, противоречащих друг другу. Это одна из ключевых проблем правоприменительной практики в области прав человека в регионе.

Препринт WP18/2011/02
Серия WP18
«Права человека в современном мире»

**Культурные аспекты и правоприменительная практика
в области прав человека в Кавказском регионе**

Зав. редакцией оперативного выпуска *А.В. Заиченко*
Корректор *Е.Л. Качалова*
Технический редактор *Ю.Н. Петрина*

Отпечатано в типографии
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» с представленного оригинал-макета

Формат 60×84 ¹/₁₆. Тираж 150 экз. Уч.-изд. л. 1,9
Усл. печ. л. 1,86. Заказ № . Изд. № 1351

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
125319, Москва, Кочновский проезд, 3
Типография Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»
Тел.: (499) 611-24-15

